

Бергалиева Ирина. Есть такая работа – быть последней надеждой

Мы встретились, когда с моим домом случилась беда. Дом по адресу Ясный проезд, д. 19 (Москва), в котором я проживала в общежитии, был передан, как якобы пустующее здание, под общежитие для иногородних тюремных надзирателей – сотрудников ФСИН. Это было в конце 2004 – начале 2005 года. Я тогда пришла за помощью ко Льву Александровичу Пономареву, там был и Станислав Маркелов. Потом оказалось, что у нас масса общих знакомых – например, Михаил Драненко, из Революционной рабочей партии, который сейчас участвует в нашем Движении за права общежитий.

Настю (Бабурова) я узнала позже. Когда она пришла к нам, события вокруг нашего дома уже были в разгаре: нас силой выкидывали на улицу. Стас занимался уголовными делами, заведенными против наших жителей.

Настя приходила в наш дом не только как корреспондент. Потом по одному из уголовных дел она стала свидетелем, а адвокатом обвиняемой был Стас. Настя успела дать показания о том, что происходило в нашем доме 24–25 июня 2005 года, – они сейчас фигурируют в деле.

В общении Стас был очень легким человеком, и мы быстро нашли общий язык. Он хорошо сближался, если ему самому было интересно с людьми. За чашечкой кофе в недорогом кафе мы часто беседовали с ним, он рассказывал какие-то случаи из своей практики, консультировал меня. Советы его были очень дельные, полезные: какие возможности есть в законодательстве, какие лазейки, как можно запросить нужные документы.

У одной из наших жительниц возникли сложности с квартирой, которую ей давно обещало отдать предприятие, где она работала. Но квартиру захватили тюремщики. Стас буквально ворвался в это дело, и мы смогли отбить эту квартиру. Чтобы помешать этой девушке отсудить собственно квартиру, на нее сфабриковали дело о нападении на офицеров ФСИН. Стас выступил ее адвокатом по этому поводу. Приходилось опровергать показания свидетелей обвинения, которые показывали, что маленькая хрупкая девушка, назовем ее Юля, взломала дверь, вышвырнула надзирателя с семьей и заняла эту квартиру. С нашей стороны соседи были свидетелями, я познакомила с ними Стаса. Стас очень внимательно расспрашивал их, и в целом постоянно интересовался, что у нас происходит. Поэтому мы и не раздумывали в отношении того, что именно он должен быть адвокатом в деле Юли.

Когда мы были у мирового судьи, который рассматривал это дело, то, сидя в коридоре со свидетелями, очень хотели подглядеть, что происходит в зале заседаний. Удивительно, но нам это удалось. В предбаннике перед залом сидел пристав, и перед ним находились мониторы, которые беззвучно показывали зал. В каждом отдельном квадратике экрана отображались судья, ФСИНовцы, подсудимая, прокурор, адвокат. Когда отлучался пристав, мы наблюдали, как изменялись по ходу заседания выражения лиц и повадки участников процесса.

Сначала – судья, сидит с постным выражением лица, ему до лампочки это дело, не вникая, привычным жестом перелистывает бумаги, видимо монотонным голосом говорит. Затем – прокурор, старается. Мы потом читали – достаточно резкое выступление, которое вообще характерно для этой девушки. И вот встает Стас. Начинает говорить. Монитор показывает, как как-то сжимается человек, написавший заявление на Юлю, нашу девушку. Наша девушка уже распрямляет спинку, даже начинает вертеть головой и улыбаться. Стас продолжает говорить, жестикулирует, подходит к прокурору – что-то показывает. Подходит к судье – что-то показывает. Нам не слышно, к сожалению, но судья уже заинтересованно хватает какие-то бумаги, что-то пишет, в его движениях видна напряженность. Такие забавные метаморфозы с участниками заседания мы наблюдали на экране. Жалею, что это впечатление полностью непередаваемо словами и его нельзя было заснять.

Из зала совершенно никакие, поникшие вышли те, кто состряпал дело. Стас, как всегда, улыбался, шутил, балагурил. Но уже во дворе суда, где я стояла, к нам подошел Гербач, начальник ЖКО УФСИН, тот самый, что избивал Настю, и стал угрожать Стасу: «Смотри, парень, московская земля нынче очень дорогая. Держись подальше от этого дома. Мой тебе совет...» Эту фразу я запомнила буквально. Стас ответил шуткой. Когда Маркелова убили, я следователям ее сразу передала. А Гербач первый позвонил мне: «Это вашего адвокатишку убили...» – «Ну вы теперь спокойны, вы этого хотели!» – «Да бросьте!..» – начал говорить он. Но видно было, что ему как-то неуютно, испугался что ли. Судьба распорядилась так, что спустя два-три месяца Гербач погиб в автокатастрофе.

А дело Юли из суда направляется на доследование обратно. Постепенно там оно и заглохло. Используя решение арбитражного сушему делу, в судах Стас показал, что эти тюремщики – никто. Задолго до определения Верховного суда по нашему делу он первым сумел доказать, что выделение этого дома в распоряжение ФСИН было незаконно. Из Верховного суда, обратно до районного, и вот уже и решение районного суда скоро окончательно это подтвердит.

Я весь опыт, как губка, впитывала от Стаса и от еще одного нашего юриста, Евгения Боброва, который ведет наши гражданские дела. У нас счастливая судьба, потому что два таких светлых и незаменимых человека оказались рядом.

Станислав знал арбитражное, гражданское и уголовное право, легко и изящно сочетал разные нормы и использовал их. Видно было, что работа ему очень нравится, информация брызжет из него, и он готов ей делиться. Стаса переполняли эмоции. Он размахивал руками. В кабинете, объясняя что-то, выпрямлялся на стуле, закидывал руки за голову и начинал раскачиваться – это было одно из его любимых движений. За его стулом сразу начиналась

стенка, где висел белорусский флаг, ему постоянно хотелось раскачаться вовсю, но он все время упирался в эту стену...

Иногда, когда действительно серьезный разговор заходил, становился очень строгим. Видно было, что чужое горе ему близко, – он хмурил брови и вслушивался, отрывисто отвечая.

Последние пять лет мы часто общались, часто перезванивались, и я рассказывала, что происходит в доме. Жалко, что кроме последних пяти лет, я его раньше не знала. Я думаю, что более длительное знакомство пригодились бы в моей жизни.

Сейчас у нас все более-менее. На «группу неизвестных лиц» (на самом деле – сотрудников ФСИН или нанятых ими) также завели уголовное дело – за нанесение побоев группе граждан, жителей дома. Стас сделал все, чтобы это дело не «осело» в ОВД Южное Медведково, где работают все ответственные лица. Дело первоначально было составлено так, будто некие дурачки случайно шли мимо и не с того ни с сего решили вдруг войти, подняться и набить морду жителям второго и третьего этажей. Месяца три-четыре назад раздался звонок, и наши допросы, как свидетелей и потерпевших, возобновились. Первая следственная бригада была отстранена от дела, следственный отдел УВД СВАО снова работает, пока – в рамках закона, с использованием всех наших доказательств. Беременных, пожилых или больных допрашивают, привозя на машине в УВД или приезжая на дом, проявляют внимательность. Грамотно, подробно составляют протоколы.

В последние месяцы и у меня, и у Стаса так часто были то суды, то поездки – трудно было совпасть по времени. Он то в Грозный летал, то еще куда-то. Телефонные звонки постоянно говорили, как он нужен всем. Людям часто не на кого было надеяться. И есть такая работа – **БЫТЬ ПОСЛЕДНЕЙ НАДЕЖДОЙ**. У защитника Маркелова вся работа была такая.

Версия #1

Зверобой создал 16 апреля 2025 02:26:31

Зверобой обновил 16 апреля 2025 02:28:44